

Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 87–101.  
Cherepovets State University Bulletin, 2021, no. 1 (106), pp. 87–101.

Научная статья

УДК 81'255.2

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-2-107-7>

**Интерактивные эгоцентрики в русских переводах англоязычной прозы:  
семантика, прагматика, интерпретация**

**Анастасия Викторовна Уржа**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,  
Москва, Россия,  
English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

**Аннотация.** В статье рассматриваются семантические и прагматические особенности интерактивных эгоцентриков – языковых средств выражения субъективных смыслов, позволяющих создать в тексте образы говорящего и адресата, а также смоделировать их воображаемый контакт. С опорой на результаты сопоставительного исследования, охватывающего многочисленные варианты русского перевода англоязычных нарративов (появившиеся в конце XIX – начале XXI вв.), охарактеризован репертуар интерактивных эгоцентрических элементов в изучаемых языках, который включает разнообразные лексические и грамматические средства: персональные дейктики, конструкции с обобщенно-личным субъектом, метатекстовые обороты и др. В статье предложена новая функционально-семантическая классификация эгоцентриков, описаны закономерности, связанные с интерпретацией и вербализацией интерактивных эгоцентрических смыслов при переводе повествовательных текстов на русский язык. В качестве источника примеров привлечены семь переводов рассказа Э. По «Прыг-Скок» (Е. Рое “Hop-Frog”).

**Ключевые слова:** эгоцентрики, семантика, прагматика, русский перевод, нарратив

**Для цитирования:** Уржа А. В. Интерактивные эгоцентрики в русских переводах англоязычной прозы: семантика, прагматика, интерпретация // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 2 (107). С. 87–101. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-2-107-7>.

**Interactive egocentric units in Russian translations of English prose:  
semantics, pragmatics, interpretation**

**Anastasia V. Urzha**

Lomonosov Moscow State University,  
Moscow, Russia,  
English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

**Abstract.** The article focuses on semantic and pragmatic aspects of using interactive egocentric units (such as personal deixis and discourse markers) in Russian literary translations of English prose. These units are usually employed to create images of the narrator and its addressee in a text and to realize their virtual contact. The research based on the analysis of original narratives and their numerous translations (made from the end of XIX to the beginning of XXI century) describes the

repertoire of lexical and grammar units performing interactive function in English and Russian texts. The article presents new classification of egocentric units, based on their functions in texts. The widespread trends in translating egocentric units are described in the article. Seven translations of Edgar Poe's "Hop-Frog" are used as the material for examples.

**Keywords:** egocentric words, semantics, pragmatics, Russian translation, narrative

**For citation:** Urzha A. V. Interactive egocentric units in Russian translations of English prose: semantics, pragmatics, interpretation. *Cherepovets State University Bulletin*, 2022, no. 2 (107), pp. 87–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-2-107-7>.

## Введение

Эгоцентрики, или эгоцентрические элементы языка, – это «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего»<sup>1</sup>. Такие средства наполняют не только реальные диалоги, но и тексты разных жанров. Понятие «говорящего» для повествовательных текстов условно, в этом случае эгоцентрики открывают нам доступ к точкам зрения субъектов речи, мысли и восприятия. В первую очередь в качестве такого субъекта выступает нарратор – эгоцентрические средства создают его образ, благодаря им мы узнаем об отношении повествователя к сообщаемому, знакомимся с его манерой излагать информацию. Не менее значимы эгоцентрики и для формирования образов персонажей, мысли, фразы или наблюдения которых нам доступны.

Эгоцентрические элементы языка составляют очень разнородную группу лексических, морфологических и синтаксических средств. В науке предложены различные подходы к их систематизации. Разработаны реестры субъективных (модусных) смыслов, воплощаемых в высказывании (Т. В. Шмелева, М. А. Шелякин), представлены таксономии эгоцентриков на семантических основаниях (Е. В. Падучева, Е. Г. Хомякова). Специальным объектом изучения стали синтаксические конструкции с незамещенными позициями субъекта, отсылающие к определенной точке зрения – предложения с так называемыми «эгоцентрическими нулями» (Н. К. Онипенко, Е. Н. Никитина). В исследовании, результаты которого мы представляем в данной статье, реализуется принципиально иная классификация эгоцентрических элементов, основанная на их функциях в тексте. В зависимости от того, какую роль играют в повествовании средства, выражающие субъективные смыслы, они объединяются в пять крупных групп:

- **актуализирующие** эгоцентрики, характеризующие время и пространство в рамках определенной точки зрения;
- **интерпретационные** эгоцентрики, представляющие оценки и эмоции текстовых субъектов;
- **эпистемические** эгоцентрики, указывающие на степень осведомленности героя или рассказчика, создающие атмосферу интриги, напряжения;
- **модальные** эгоцентрики, отсылающие к намерениям, желаниям, способностям участников нарратива;

<sup>1</sup> Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Москва: Издательский Дом «ЯСК», 2019. С. 17.

– **интерактивные** эгоцентрики, обращенные к адресату высказывания, вовлекающие его в сферу опыта повествователя<sup>1</sup>.

Анализировать разные типы эгоцентриков можно на материале не только оригинальных русских текстов, но и вариантов русского перевода иноязычных нарративов. Сопоставляя способы передачи субъективных смыслов в вариантах перевода одного и того же текста, можно более детально изучить ресурсы эгоцентрических единиц, описать особенности их семантики и прагматики. Опираясь на обширную традицию лингвистических переводоведческих исследований (Ю. Найда, Дж. Кэтфорд, А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, Н. К. Гарбовский, Б. Хатим, Я. Мейсон и многие другие), необходимо учитывать, что особенности переводческих решений обусловлены не только объективными различиями языков и культур, но и индивидуальной трактовкой смысла оригинала, которая всегда субъективна. Сравнивая переводческие версии, можно заметить, что эгоцентрики, принадлежащие к одной функциональной группе, тесно связаны друг с другом, даже если они имеют различную семантику. В данной статье мы продемонстрируем такие связи на примере группы интерактивных эгоцентриков.

**Интерактивные эгоцентрики** позволяют создать в тексте образы говорящего и адресата, а также смоделировать их воображаемый контакт. К таким средствам относятся личные местоимения – персональные дейктики, ориентирующие нас в рамках перволичного или третьеличного повествования, несобственно-прямой речи<sup>2</sup>, а также предложения с обобщенно-личным (инклюзивным) значением субъекта модуля<sup>3</sup>, обращения и метатекстовые обороты<sup>4</sup>. Интерактивные элементы могут быть как аукториальными (связывающими повествователя и «внешнего» адресата текста – читателя), так и персонажными (вербализующими контакт «внутренних» говорящих и адресатов – героев произведения). Особый интерес представляет использование эгоцентриков в «двойной» роли: по замыслу автора фраза, обращенная к герою, может апеллировать и к читателю, который волен принять или не принять её «на свой счет»<sup>5</sup>.

Современные научные труды, рассматривающие проблемы передачи интерактивных эгоцентрических смыслов в переводе, фокусируются в первую очередь на

<sup>1</sup> Уржа А. В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Москва: [б. и.], 2021. 564 с.

<sup>2</sup> Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.; Атарова К. Н., Лесские Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356 и др.

<sup>3</sup> Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Наука, 2004. 544 с.; Онипенко Н. К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка. Москва: МГПУ, 2019. 304 с. и др.

<sup>4</sup> Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике / под редакцией Т. М. Николаевой. Москва: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 402–421; Перфилова Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: НГПУ, 2006. 285 с.

<sup>5</sup> Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. Москва: Спутник+, 2009. 292 с.

таких группах языковых средств, как элементы персонального дейксиса<sup>1</sup> и дискурсивные маркеры<sup>2</sup>. Важнейшими особенностями современных лингвистических и переводоведческих концепций описания таких средств становятся внимание к их прагматическим функциям в оригинальном и переводном тексте, к интерактивному использованию, формирующему определенные характеристики говорящего и адресата<sup>3</sup>. Разносторонне изучается вопрос о ключевой роли эгоцентриков в локализации дейктического центра нарратива, конструировании его перспективы<sup>4</sup>.

Материалом нашего исследования стали русские переводы повествовательных текстов разных жанров на английском языке. Оригиналы – фантастические, приключенческие произведения, образцы социально-психологического и философско-иронического нарратива. Они написаны во второй половине XIX – XX в. Русские переводы датированы концом XIX – началом XXI в. Предложенная нами классификация, характеристика репертуара интерактивных эгоцентриков, описание тенденций, возникающих при их переводе, основываются на результатах обширного исследования 126 переводов 26 произведений. В данной статье в качестве материала для детального разбора привлекаются 7 переводов рассказа Э. По “Hop-Frog”.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы охарактеризовать репертуар интерактивных эгоцентрических элементов в изученных оригинальных и переводных текстах; описать некоторые общие закономерности передачи интерактивных эгоцентрических смыслов при переводе нарративов с английского на русский язык; отметить наиболее острые проблемы, связанные с интерпретацией и вербализацией таких смыслов, обращая внимание на тесную взаимосвязь средств, принадлежащих к этой группе.

<sup>1</sup> Муковский О. Л. Количественные и функциональные характеристики анафоры и дейксиса в английском, испанском и русском языках // Научное мнение. 2015. № 2. С. 47–59; Немкова В. А. Взаимосвязь темпорального и персонального дейксиса на фоне повествования от первого лица в настоящем времени (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее английских переводов) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 96–104; Kareem Ali M., Khalaf Saleh A. A Conceptual Framework for Translating Deictic Expressions in Literary Texts // Journal of Tikrit University for Humanities. 2019. Vol. 25, № 12. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/efb0c5985ec00971> (дата обращения: 11.11.2021); Izzadeen S. I., Majeed S. H. A Pragmatic Approach to Translation: A Study of Deixis in the Glass Menagerie // Zanco. Journal of Humanity Sciences. 2020. Vol. 24, № 4. P. 296–308.

<sup>2</sup> Furkó P. B. Discourse Markers and Beyond. Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 302 p.; Mohammadi A. M., Dehghan R. An Analysis of Discourse Markers in Translation Criticism: Introducing a Discourse Monitoring Model in the Iranian Context // Translation Studies Quarterly. 2020. Vol. 18, № 69. P. 7–24.

<sup>3</sup> Mason I., Șerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // Target. 2004. Vol. 15, iss. 2. P. 269–294; Izzadeen S. I., Majeed S. H. A Pragmatic Approach to Translation: A Study of Deixis in the Glass Menagerie // Zanco. Journal of Humanity Sciences. 2020. Vol. 24, № 4. P. 296–308 и др.

<sup>4</sup> Alhamli J. The Translation of Deixis in the Literary Genre. URL: <https://www.researchgate.net/publication/347272396> (дата обращения: 11.11.2021).

## Основная часть

### Репертуар интерактивных эгоцентрических элементов в англоязычных и русскоязычных нарративах

Репертуар интерактивных эгоцентриков весьма разнообразен. В первую очередь участники коммуникации обозначаются персональными дейктиками – местоимениями первого и второго лица. В английском языке это личные, возвратные и притяжательные местоимения (*I, we, you – myself, ourselves, yourself – my, our, your*, а также архаичные *thou, thee, thy*). Набор русских личных и притяжательных местоимений расширен за счет оппозиции местоимений второго лица, которые очень часто конкурируют в переводах при передаче местоимения *you* (*ты, твой* и *вы, ваш*). Кроме того, в русском языке значимыми интерактивными элементами становятся окончания форм глаголов первого и второго лица, принимающие на себя смысловую нагрузку в определенно-личных предложениях (*Терпеть не могу такие сцены. Впрочем, послушайте, что случилось, и судите сами*).

Говорящий и адресат также могут быть обозначены специальными номинациями в тексте. В англоязычных произведениях мы встречаем следующие обороты: *the writer of this book, your humble narrator, my dear friend, the reader, my brother* и т. д.; в русских текстах используются такие выражения, как *автор, ваш рассказчик, повествователь, дорогой друг, мой юный читатель, приятель* и др.).

Важнейшую группу интерактивных эгоцентриков составляют лексические и синтаксические средства обозначений обобщенного лица, включающие в сферу референции говорящего и адресата. В английском языке это местоимения *everyone, one, you, all*, существительные *a man, people*, субстантиваты типа *the rich, the merry*, а также целые пассивные конструкции, в которых неназванный личный субъект трактуется как генерализованный (*Beauty and wisdom are seldom found together*). Фонд русских интерактивных эгоцентриков пополняется за счет бесподлежащих предложений с обобщенно-личной семантикой и различным грамматическим оформлением (*Не попробуешь – не узнаешь. Цыплят по осени считают. С волками жить – по-волчьи выть*); он включает определительные местоимения (*каждый, всякий, любой* и др.), существительные типа *человек, люди*, субстантивированные прилагательные (*Скупой платит дважды*). Сюда же относятся эгоцентрики, которые Е. В. Падучева назвала «обобщающими врезками»<sup>1</sup>: *как часто бывает, как водится, как известно*.

Наконец, важную роль в формировании надсюжетного «контакта» повествователя и читателя играют метатекстовые обороты, ориентирующие нас в нарративном потоке, ранжирующие информацию, делающие сам текст предметом рассуждения: *thus, to make it short, by the way, for example; итак, впрочем, кстати, как говорится, словом, короче говоря* и т. п.). Многочисленные выражения подобного рода имеют различную стилистическую окраску, с их помощью автор может «расцвечивать» тон повествования.

<sup>1</sup> Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. Москва: Языки славянской культуры, 2010. С. 282.

Интерактивные эгоцентрики – очень яркие средства, создающие образ повествователя, а порой и его воображаемого собеседника. Однако результаты исследования переводных текстов показывают, что достаточно часто судьба этих элементов оказывается непростой: они могут исчезать, добавляться и видоизменяться в переводческих версиях с пугающей легкостью. Как и почему такое происходит? Обратимся к изученным материалам.

### Опущения и вставки персональных дейктиков и метатекстовых оборотов при переводе

Среди обнаруженных нами в ходе исследования типичных случаев рассмотрим примеры из русских переводов рассказа Э. По “Hop-Frog”:

#### Е. Poe “Hop-Frog”

#### Э. По «Прыг-Скок»

- |                                                                                                    |                                                                                                                                                |                                                                                                                                   |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1. I believe the name “Hop-Frog” was not that given to the dwarf by his sponsors at baptism <...>. | Я не думаю, чтоб имя «Лягушонок» было дано этому карлику восприимчивыми при крещении <...> (пер. М. Энгельгардта, 1914).                       | Имя свое «Скакун-лягушка» получил не от крестного отца при крещении <...> (пер. в аноним. изд. И. Сытина, 1908).                  |
| 2. On some grand state occasion – I forgot what – the king determined to have a masquerade.        | Однажды, по случаю какого-то важного события – <b>какого именно, не помню</b> , – король решил устроить маскарад (пер. М. Энгельгардта, 1914). | Однажды по случаю какого-то торжества король решил устроить великолепный маскарад (пер. в аноним. изд. «Вестника ин. лит», 1912). |

Обороты «от первого лица» в оригинальном повествовании формируют в тексте «осязаемую» фигуру нарратора – он занимает определенную позицию по отношению к сообщаемому: выдвигает гипотезы, признает неполноту имеющихся у него сведений. Такие конструкции создают у читателя иллюзию достоверности рассказа о короле и шуте – по своей сути, конечно, фантастического. Грамматические средства русского языка позволяют передать этот прием с помощью не только личных местоимений, но и форм глагола; мы видим это, например, в переводе М. Энгельгардта. Почему же в анонимных переводческих версиях, представленных в правом столбце таблицы, данные показатели опущены?

Выдвинем следующую гипотезу: для читателя сама природа повествования предполагает повествующего (субъекта речи), а показатели первого лица дополнительно указывают на него в нарративе, выделяют его образ. Переводчики (которые тоже оказываются вначале в роли читателей) отмечают наличие повествователя, но не всегда обращают внимание на то, каким образом он был введен в текст. Они могут, сохранив одну или несколько отсылок к этому образу, убрать и добавить другие такие отсылки, опираясь на интуитивное ощущение, что повествователь уже указан, а потому из нарратива целиком он не исчезнет.

Действительно, в оригинальном рассказе Э. По “Hop-Frog” повествователь называет себя в целом 9 раз (используя местоимения *I* и *my*). Во всех переводах сохранена его фраза *At the date of my narrative, professing jesters had not altogether gone out of fashion at court* («В то время, к которому относится **мой рассказ**, профессиональные шуты еще не вывелись из моды при дворах» (пер. в аноним. изд. И. Сытина, 1908)). Даже одного этого интерактивного эгоцентрика достаточно, чтобы указать читателю на нарратора.

**Фразы от первого лица** повествователя могут и добавляться в нарратив при переводе (см. выделение в третьем столбце. – А. У.):

### Е. Поэ “Hop-Frog”

### Э. По «Прыг-Скок»

3. <...> he required something in the way of folly – if only to counterbalance the heavy wisdom of the seven wise men who were his ministers <...>.

<...> ему требовалось нечто глупое – хотя для того, дабы уравновесить весомую мудрость семейных мудрецов, служивших ему министрами <...> (пер. В. Рогова, 1970).

<...> он питал необходимость время от времени выслушивать глупости, **предположим**, хотя бы в противовес глубокой мудрости семи министров-мудрецов <...> (пер. М. Викторова, 1927).

С одной стороны, наличие множества подобных изменений в различных переводных текстах указывает на важную особенность интерактивных эгоцентриков: их функция (отсылка к повествователю) реализуется во всем нарративе целиком, а не просто в отдельном его предложении. С другой стороны, изъятия и вставки таких элементов, безусловно, изменяют текст – образ нарратора становится более или менее выделенным, заметным, усиливается или ослабевает его контакт с читателем<sup>1</sup>. Согласно результатам нашего исследования, чаще всего это происходит при переводе произведений с повествованием от третьего лица, где вкрапления «авторского» голоса немногочисленны.

Если мы обратимся к другим разновидностям интерактивных эгоцентриков (например, к метатекстовым оборотам), то обнаружим те же самые явления: воспринимая метатекст как «вводные слова», не связанные с сюжетом, переводчики нередко свободно «вводят» такие обороты в повествование или «выводят» из него:

### Е. Поэ “Hop-Frog”

### Э. По «Прыг-Скок»

4. His fool, or professional jester, was not only a fool, **however**.

Его дурак, или профессиональный шут, был, **однако**, не только дураком (пер. К. Бальмонта, 1911).

Его дурак, или профессиональный шут, был замечателен не только как шут (пер. в аноним. изд. И. Сытина, 1908).

5. **Indeed**, they soon became sworn friends.

**В самом деле**, они вскоре сделали закадычными

Очень скоро они сделались близкими друзьями

<sup>1</sup> Cp. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London; New York: Routledge, 1997. 219 p.

друзьями (пер. М. Энгель- (пер. В. Рогова, 1970).  
гардта, 1914).

Действительно, подобные добавления и опущения не влияют на корректность передачи сюжетного хода в переводе. Изменяется нечто другое, более тонкое, но все же ощутимое – с метатекстом в повествовании появляются или исчезают отсылки ко времени сообщения о событиях (в нарративе оно всегда противопоставляется времени самих событий<sup>1</sup>). Кроме того, варьируется и «выраженность» повествовательного начала: «голос повествователя» **ослабевают или усиливается не в те моменты**, которые были определены автором<sup>2</sup>.

### «Имплицитный» или «эксплицитный» адресат? Варьирование в переводах

Так же, как и говорящий, адресат «встроен» в наше представление о речевом акте, в отсутствие адресата коммуникация невозможна. По этой причине даже без какого-либо упоминания о получателе сообщения мы узнаем о его существовании, опираясь на сам факт передачи информации. Тем не менее язык предоставляет нам возможность назвать адресата, тем или иным способом указать на него – и богатая палитра средств, которые в данном случае пригодны для использования, нуждается в систематизации. Мы предлагаем рассмотреть такие средства, расположив их на своеобразной шкале: от имплицитности адресата (в случае, когда его наличие лишь подразумевается) до его наиболее полной эксплицитности (в ситуации, когда к адресату отсылает наименование или указание с определенной референцией). Упорядочивая языковые средства таким образом, мы сможем проследить за тем, как автор все более и более ярко выделяет фигуру читателя или, напротив, затушевывает ее (т. е. привлекает внимание адресата к своим словам или выводит контакт с читателем из зоны фокуса).

### От имплицитности → к максимальной эксплицитности адресата:

- Формирование высказывания с «ассер- *Жил в одном городе учитель.*  
тивной иллокутивной модальностью»<sup>3</sup> при  
отсутствии какого-либо обозначения адре-  
сата.
- Формирование высказывания с вопроси- *Что же случилось потом?*  
тельной иллокутивной модальностью при  
отсутствии обозначения адресата.
- Использование слов, открывающих субъ- *Любопытство до добра не доводит.*  
ектную валентность для обобщенного лица, *Завидовать другим бессмысленно.*  
потенциально включающего адресата.

<sup>1</sup> Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 256 p. и др.

<sup>2</sup> Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. Москва: Спутник+, 2009. 292 с.

<sup>3</sup> Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Москва: Издательский Дом «ЯСК», 2019. 440 с.

– Использование номинаций обобщенного лица: определительных местоимений (*любой, всякий, каждый*), существительных (*люди, человек*), субстантивированных прилагательных (*богатые, храбрый*) и т. п.

*В наше время люди не умеют медленно читать.*

*Каждому знакомы минуты отчаяния.*

*Человек не может горевать бесконечно.*

– Использование обобщенно-личных предложений со сказуемым в форме второго лица.

*Жизнь не прокрутишь назад, как видеозапись.*

– Использование личных местоимений (*мы, ты*) в обобщенно-личном значении.

*Чтобы люди тебя услышали, нужно хорошо понимать, что именно ты хочешь им сказать.*

– Использование местоимений и глагольных форм второго лица в определенно-личном значении, а также обращений типа *друг, читатель* и т. п.

*Если ты хочешь поскорее узнать, что случилось с ребятами, переверни страницу.*

*Читатель легко догадается о последствиях такого поступка.*

Двигаясь вдоль рассмотренной нами шкалы к наиболее заметному, эксплицитному и конкретному обозначению адресата, автор текста может активизировать контакт с читателем, выдвинуть его на первый план: *Сколько людей, плывущих по реке жизни, рискует затопить свои ладьи, перегружая их всяким нелепым скарбом... Тут и нарядное платье, и огромные дома... Все это хлам, старина! Выбрось его за борт! Он делает твою ладью такой тяжелой...* (Дж. К. Джером, пер. М. Донского, Э. Линецкой, 1958).

Результаты проведенного нами исследования показывают, что переводчики нередко изменяют степень «проявленности» адресата в тексте; такие решения обусловлены не расхождением грамматических, лексических или стилистических систем языков оригинала и перевода, а недостаточной внимательностью к передаче внесюжетных элементов произведения или вольной трактовкой авторской манеры повествования. Переводчики могут добавлять в текст указания на читателя или опускать их, делать более обобщенными или конкретизированными, используя генерализованную или определенную референцию.

В рассказе Э. По, который мы выбрали для анализа, фразы, обращенные к читателю, не называют его прямо, но включают в сферу субъекта, предполагаемого валентностью ментального глагола. Некоторые переводчики, не заметив указанный прием, заменили такие обороты на показатели степени уверенности говорящего или вовсе опустили. В примере, представленном далее, удачный вариант перевода предложен К. Бальмонтом, тогда как автор анонимного перевода в издании В. Маракуева отстает от оригинала:

Е. Поэ “Hop-Frog”

6. As for costumes and characters, it **might well be supposed** that everybody had come to a decision on such points.

Что до костюмов и ма-сок, **как легко догадаться**, каждый вовремя пришел к тому или другому решению (пер. К. Бальмонта, 1911).

Э. По «Прыг-Скок»

Что касается до костюмов и ролей, то каждый поступал в этом случае по своему усмотрению (пер. в аноним. изд. В. Маракуева, 1885).

Если создатели приведенных анонимных переводов рассказа Э. По нередко опускают интерактивные элементы, то в уже упомянутом переводе М. Викторова, наоборот, последовательно (и порой весьма вольно) активизируется контакт повествователя и читателя, оригинальные метатекстовые обороты заменяются конструкциями с глаголами в форме второго лица, прямо обращенными к адресату:

Е. Поэ “Hop-Frog”

7. His fool, or professional jester, was not only a fool, **however**.

**Однако** его дурак – то есть профессиональный шут – был не только дураком (пер. М. Энгельгардта, 1914).

Э. По «Прыг-Скок»

**Что там ни говорите**, но профессиональный шут короля был не совсем дураком (пер. М. Викторова, 1927).

Интерактивные эгоцентрики в единой функциональной «связке»

Результаты проведенного нами сопоставительного анализа выбранных текстов показывают, что разнообразные по своей семантике интерактивные элементы в каждом из произведений взаимодействуют, формируя то, что можно назвать **функциональной «связкой»**<sup>1</sup>. Каждая такая «связка» – это функциональное единство, образуемое эгоцентриками, ориентированными на достижение общего прагматического эффекта в нарративе. Нередко в рамках «связки» при переводе элементы с различной семантикой могут заменять друг друга, если они реализуют одну и ту же функцию.

Рассмотрим следующий пример. В рассказе Э. По “Hop-Frog” особый интерес вызывает употребление форм притяжательных местоимений в сочетаниях *our king, our court*. Повествователь неоднократно подчеркивает значительную временную удаленность событий излагаемой истории, он не является их современником (так, например, он отмечает, что в Европе в те времена никто не знал, как выглядели орангутанги). По этой причине выражения типа *наш король* реализуют интерактивную функцию: повествователь не подданный короля, слово *наш* в данном случае объединяет повествователя и читателя в их интересе к герою произведения. В приведенном ниже переводе М. Викторова местоимение *наш* исчезает, но появляется дополнительный метатекстовый оборот *о котором идет речь*, при этом во всех переводах сохраняется указание на степень уверенности говорящего (*as a matter of*

<sup>1</sup> Уржа А. В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Москва: [б. и.], 2021. 564 с.

course, *разумеется, понятно, конечно*), отсылающее к образу повествователя, продолжающего свой рассказ:

Е. Рое “Hop-Frog”

Э. По «Прыг-Скок»

8. Our king, as a **Разумеется, и наш** король **Король, о котором идет**  
**matter of course,** держал при своей особе «ду- **речь, понятно, имел при**  
retained his fool. **рака»** (пер. М. Энгельгардта, себе такого дурака (пер.  
1914). **М. Викторова, 1927).**

Рассматривая все изученные варианты русского перевода рассказа “Hop-Frog” в сравнении с оригиналом, можно отметить, что функциональная связка интерактивных эгоцентриков представлена в каждом из них, хотя ее состав и количество элементов варьируется. Подытожим наши наблюдения и для более удобного восприятия занесем их в таблицу:

Таблица

Состав интерактивных эгоцентриков в оригинале и русских переводах рассказа Э. По “Hop-Frog”

|                                                                 | Местоимения<br>1 лица, относящиеся к повествователю | Местоимения<br>1 лица, объединяющие повествователя и читателя | Метатекстовые<br>элементы | Сентенции с обобщенно-личным субъектом | Конструкции, предикат которых предполагает адресата в качестве субъекта |
|-----------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------|---------------------------|----------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------|
| 1                                                               | 2                                                   | 3                                                             | 4                         | 5                                      | 6                                                                       |
| “Hop-Frog”<br>Е. Рое                                            | 9                                                   | 3                                                             | 24                        | 2                                      | 2                                                                       |
| «Гоп-Фрог»<br>(пер. в аноним. изд.<br>В. Маракуева,<br>1885)    | 7                                                   | 2                                                             | 14                        | 1                                      | 1                                                                       |
| «Скакун-Лягушка»<br>(пер. в аноним. изд.<br>И. Сытина,<br>1908) | 7                                                   | 3                                                             | 8                         | 2                                      | 0                                                                       |
| «Гоп-Фрог»<br>(пер. К. Бальмонта, 1911)                         | 9                                                   | 3                                                             | 21                        | 2                                      | 1                                                                       |
| «Лягушонок»<br>(пер. М. Энгельгардта,<br>1914)                  | 8                                                   | 3                                                             | 22                        | 2                                      | 0                                                                       |

Продолжение таблицы

| 1                                                      | 2  | 3 | 4  | 5 | 6 |
|--------------------------------------------------------|----|---|----|---|---|
| «Последняя шутка»<br>(пер. М. Вик-<br>торова,<br>1927) | 12 | 1 | 17 | 1 | 3 |
| «Прыг-Скок»<br>(пер. В. Рого-<br>ва, 1970)             | 8  | 3 | 23 | 2 | 1 |

Переводы существенно различаются по количеству использованных интерактивных эгоцентриков: от 20 в анонимном переводе в издании И. Сытина до 34 в переводе М. Викторова, однако ни один из переводных текстов не включает столько элементов, формирующих контакт повествователя и адресата, сколько оригинал Э. По (40). В зависимости от выбранной версии читатель в большей или меньшей степени обратит внимание на коммуникативную рамку рассказа: самой заметной она будет у М. Викторова, который не только использовал много эгоцентриков, но и увеличил, по сравнению с оригиналом, количество персональных дейктиков и конструкций, относимых к адресату.

### Выводы

Итак, выделяя коммуникативную составляющую нарратива, интерактивные эгоцентрики формируют в повествовательных текстах функциональные «связки», которые могут объединять элементы разных семантических групп: обращения к читателю, номинации рассказчика и его адресата, метатекстовые комментарии, а также предложения с обобщенно-личным субъектом, привлекающие наше внимание и приобщающие нас к сфере опыта повествователя.

Перечисленные элементы играют в повествовании общую роль: они формируют и поддерживают надсюжетный контакт нарратора и адресата. Однако в этом свойстве заключается не только «сила» таких элементов, но и их «слабость», уязвимость: переводчики зачастую вольно обращаются с интерактивными эгоцентриками, предполагая, что наличие нескольких вербальных указаний на повествователя или его адресата компенсирует опущение других отсылок к этим участникам нарратива<sup>1</sup>. Анализ текстов показывает, что подобная компенсация порой оказывается лишь частичной: изъятие или добавление оборотов «от повествователя» может повлиять на формирование перспективы переводного текста, его хронотопа, а также образа нарратора.

Прагматическая «сила» интерактивных эгоцентриков неравнозначна: наиболее заметными из них становятся те, которые непосредственно называют читателя, апеллируют к нему. Вот почему выбор средств воплощения эгоцентрических смыслов при переводе может привести к дополнительному выделению или затушевыва-

<sup>1</sup> Уржа А. В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Москва: [б. и.], 2021. 564 с.

нию соответствующих компонентов оригинала. Обширный репертуар русских интерактивных эгоцентриков (включающий как лексические, так и грамматические средства) дает переводчику возможность подобрать прагматически «равновесные» оригинальным эквиваленты в том случае, если специалист осознанно ставит перед собой такую цель.

#### **Список источников**

Атарова К. Н., Лесскис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике / под редакцией Т. М. Николаевой. Москва: Прогресс, 1978. Вып. VIII. Лингвистика текста. С. 402–421.

Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Наука, 2004. 544 с.

Муковский О. Л. Количественные и функциональные характеристики анафоры и дейксиса в английском, испанском и русском языках // Научное мнение. 2015. № 2. С. 47–59.

Немкова В. А. Взаимосвязь темпорального и персонального дейксиса на фоне повествования от первого лица в настоящем времени (на материале повести А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине» и ее английских переводов) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 1. С. 96–104.

Онипенко Н. К. Основные положения коммуникативной грамматики русского языка. Москва: МГПУ, 2019. 304 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. Москва: Издательский Дом «ЯСК», 2019. 440 с.

Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск: НГПУ, 2006. 285 с.

Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. Москва: Спутник+, 2009. 292 с.

Уржа А. В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.): дис. ... д-ра филол. наук. Москва: [б. и.], 2021. 564 с.

Шмид В. Нарратология. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Alhamli J. The Translation of Deixis in the Literary Genre. URL: <https://www.researchgate.net/publication/347272396> (дата обращения: 11.11.2021).

Bal M. Narratology: Introduction to the Theory of Narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 256 p.

Furkó P. B. Discourse Markers and Beyond. Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 302 p.

Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London; New York: Routledge, 1997. 219 p.

Izzadeen S. I., Majeed S. H. A Pragmatic Approach to Translation: A Study of Deixis in the Glass Menagerie // Zanco. Journal of Humanity Sciences. 2020. Vol. 24, № 4. P. 296–308.

Kareem Ali M., Khalaf Saleh A. A Conceptual Framework for Translating Deictic Expressions in Literary Texts // Journal of Tikrit University for Humanities. 2019. Vol. 25, № 12. URL: <https://www.iasj.net/iasj/download/efb0c5985ec00971> (дата обращения: 11.11.2021).

Mason I., Şerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // *Target*. 2004. Vol. 15, iss. 2. P. 269–294.

Mohammadi A. M., Dehghan R. An Analysis of Discourse Markers in Translation Criticism: Introducing a Discourse Monitoring Model in the Iranian Context // *Translation Studies Quarterly*. 2020. Vol. 18, № 69. P. 7–24.

## References

Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantika i struktura povestvovaniia ot pervogo litsa v khudozhestvennoi proze [Semantics and structure of first-person storytelling in fictional prose]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literatury i iazyka* [Izvestia Academy of Sciences of the USSR. Series of literature and language], 1976, vol. 35, no. 4, pp. 343–356.

Vezhbitska A. Metatekst v tekste [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New trends in foreign linguistics; ed. by T. M. Nikolaeva]. Moscow: Progress, 1978, iss. VIII. *Lingvistika teksta* [Text linguistics], pp. 402–421.

Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Nauka, 2004. 544 p.

Mukovskii O. L. Kolichestvennye i funktsional'nye kharakteristiki anafory i deiksisa v angliiskom, ispanskom i russkom iazykakh [Quantitative and functional characteristics of anaphora and deixis in English, Spanish and Russian]. *Nauchnoe mnenie* [The Scientific Opinion], 2015, no. 2, pp. 47–59.

Nemkova V. A. Vzaimosviaz' temporal'nogo i personal'nogo deiksisa na fone povestvovaniia ot pervogo litsa v nastoiashchem vremeni (na materiale povesti A. i B. Strugatskikh “Piknik na obochine” i ee angliiskikh perevodov) [Interrelation of temporal and personal deixis against the background of first person narrative in the Present Tense (based on A. and B. Strugatsky’s “Roadside Picnic” and its English translations)]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector], 2018, vol. 13, no. 1, pp. 96–104.

Onipenko N. K. *Osnovnye polozheniia kommunikativnoi grammatiki russkogo iazyka* [Fundamental principles of communicative grammar of the Russian language]. Moscow: MGPU, 2019. 304 p.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; Semantika narrativa* [Semantic studies: Semantics of tense and aspect in Russian; Semantics of the narrative]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010. 480 p.

Paducheva E. V. *Egotsentricheskie edinitsy iazyka* [Egocentric units of the language]. Moscow: Izdatel'skii Dom “IaSK”, 2019. 440 p.

Perfil'eva N. P. *Metatekst v aspekte tekstovykh kategorii* [Metatext in the aspect of text categories]. Novosibirsk: NGPU, 2006. 285 p.

Urzha A. V. *Russkii perevodnoi khudozhestvennyi tekst s pozitsii kommunikativnoi grammatiki* [Russian translated literary text from the standpoint of communicative grammar]. Moscow: Sputnik+, 2009. 292 p.

Urzha A. V. *Funktsional'noe vzaimodeistvie egotsentrikov v russkikh perevodnykh narrativakh (na materiale prozaicheskikh tekstov kontsa XIX – nachala XXI vv.)* [Functional interaction of egocentric units in Russian translated narratives (based on prose texts of the late XIX – early XXI centuries): Dr thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2021. 564 p.

Shmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003. 312 p.

Alhamli J. *The Translation of Deixis in the Literary Genre*. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/347272396> (accessed: 11.11.2021).

Bal M. *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. Toronto: University of Toronto Press, 2009. 256 p.

Furkó P. B. *Discourse Markers and Beyond. Descriptive and Critical Perspectives on Discourse-Pragmatic Devices across Genres and Languages*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 302 p.

Hatim B., Mason I. *The Translator as Communicator*. London; New York: Routledge, 1997. 219 p.

Izzadeen S. I., Majeed S. H. A Pragmatic Approach to Translation: A Study of Deixis in the Glass Menagerie. *Zanco. Journal of Humanity Sciences*, 2020, vol. 24, no. 4, pp. 296–308.

Kareem A. M., Khalaf S. A. A Conceptual Framework for Translating Deictic Expressions in Literary Texts. *Journal of Tikrit University for Humanities*, 2019, vol. 25, no. 12. Available at: <https://www.iasj.net/iasj/download/efb0c5985ec00971> (accessed: 11.11.2021).

Mason I., Şerban A. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English. *Target*, 2004, vol. 15, iss. 2, pp. 269–294.

Mohammadi A. M., Dehghan R. An Analysis of Discourse Markers in Translation Criticism: Introducing a Discourse Monitoring Model in the Iranian Context. *Translation Studies Quarterly*, 2020, vol. 18, no. 69, pp. 7–24.

### Сведения об авторах

**Анастасия Викторовна Уржа** – доктор филологических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>, [English2@yandex.ru](mailto:English2@yandex.ru), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (д. 1, Ленинские горы, 119991 Москва, Россия); **Anastasia V. Urzha** – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>, [English2@yandex.ru](mailto:English2@yandex.ru), Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 25.01.2022; Approved after reviewing 16.02.2022; Accepted for publication 25.02.2022.